

Владимир КРОТКОВ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ*

Аннотация

В статье анализируются современные процессы, которые неразрывно связаны с феноменом глобализации. Акцентируется внимание на различном теоретико-методологическом инструментарии, с помощью которого идентифицируются основные глобальные тренды (глобализация, деглобализация, глокализация, регионализация). Проводится критический анализ неомарксистского и цивилизационного подходов в рассмотрении международной тематики. Основной фокус статьи направлен на аспекты, касающиеся конституирования и позиционирования новой международной субъектности, которая значительным образом отличается от акторов XX в.

КРОТКОВ Владимир Олегович – доктор политических наук, профессор Государственного университета управления, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук. Адрес: Российская Федерация, 119049, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26. *E-mail:* vladimir.dussel@gmail.com

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, глокализация, цивилизация, международная субъектность, Sharp Power, Soft Power.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения государственного задания ГАУГУ по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

Введение

О процессе глобализации в различных сферах написано много работ и проведено немало исследований. В последние годы научное сообщество стало по-разному (часто диаметрально противоположно) идентифицировать глобальные изменения. Соответственно, возникает необходимость в анализе различных теоретических концептов, касающихся интерпретации тенденций

развития современных международных отношений. Актуальность данной проблематики заключается ещё и в том, что глобальные процессы XXI в. неразрывно связаны с формированием новых акторов, которые детерминируют правила игры, инструменты влияния и институциональные конфигурации. Цель статьи обусловлена вышеописанным исследовательским фреймом.

Глобализация vs деглобализация

Следует отметить тот факт, что последние годы ряд исследователей акцентируют внимание на новом этапе мировых политико-экономических процессов, которые они связывают со стагнацией и идентифицируют как деглобализацию [1, С. 75–77; 2, С. 40–47; 3, С. 1025–1028]. В частности, О. О. Комолов пишет: «Мировая экономика вступила в фазу деглобализации, о чём свидетельствуют снижение интенсивности международных экономических связей, рост протекционистских тенденций и усиление политической напряжённости в мире» [4, С. 50]. С данной точкой зрения в целом солидарен В. Б. Кувалдин, который интерпретирует неолиберальную глобализацию – 2: «Трещины в глобальном мире пошли после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Динамика и турбулентность последнего десятилетия превратили некоторые из них в опасные разломы,

угрожающие нормальному функционированию и даже жизнеспособности всей системы в целом. На горизонте замаячила явная угроза деглобализации и связанных с ней масштабных потрясений» [5, С. 10].

Данные коннотации достаточно часто носят идеологический характер. Как правило, приведённые интерпретации связаны с марксистским подходом, в рамках которого уже более века утверждается, что капиталистический способ производства изжил себя и должен потерпеть фиаско. Ахиллесова пята марксизма и неомарксистского методологического подхода в исследовании международных отношений заключается в том, что фактически отсутствует субъект преобразований, способный стать авангардом (гегемоном) в процессе свержения капиталистической системы и замены её новой – социалистической. Очевидно, что перманентное апеллирование к трудящимся массам

выглядит предельно абстрактно и внесубъектно.

С высоты XXI в. уже можно вполне обоснованно рефлексировать о категории «социалистический способ производства». Были ли известные практики (СССР, Варшавский блок, просоветские режимы) подлинно социалистическими, основывающимися на общественной собственности на средства производства, преодолевшими эксплуатацию, достигшими общественной свободы, минимизировавшими государство как аппарат принуждения и т. д. или можно лишь говорить о вариациях государственного капитализма (Т. Клифф), олицетворяемого узурпировавшей власть партийно-государственной бюрократией, политической надстройкой которого был тоталитарный политический режим или авторитаризм. Другими словами, предложенные неомарксистами рецепты, механизмы и идеалы не в полной мере релевантны объективно сложившимся отношениям как на национальном, так и на глобальном уровне в эпоху постмодерна. Относительно критики экономической и политической систем с опорой на мир-системный подход (И. Валлерстайн) вполне можно найти рациональные элементы анализа, которые были заложены ещё В. И. Лениным (теория империализма), К. Каутским (теория ультраимпериализма).

Отойдя от марксистской методологии, в рассматриваемом контексте следует констатировать фрагментирование процесса глобализации. Как пишет экс-генеральный

директор ВТО Р. Руджиеро, «протекционизм растёт под давлением общественного мнения и остаётся серьёзной угрозой. Политическая поддержка глобализации повсеместно снизилась» [6, С. 198]. Глобализация изначально была связана с процессом регионализации как защитной, протекционистской мерой со стороны слабых акторов, не способных доминировать в глобальном пространстве. В этом плане Р. Робертсон такие процессы идентифицировал как глокализацию. Следует подчеркнуть, что глобализационный процесс, имманентный капиталистическим отношениям, всегда развивался не в линейно-стадиальном формате. Ему всегда был присущ волнообразный характер, подразумевающий цикличность, фрагментарность, противоречивость. Но в целом он имеет свой гомеостазис, несмотря на многочисленные шоки и кризисы в разных областях жизнедеятельности (особенно в финансовой и экономической сферах). В этом-то и заключается основная имманентная черта глобализации, что данный процесс носит амбивалентный характер, которому также свойственна энтропия.

В данном ключе уместно отметить идеологический аспект оценок современных глобальных метаморфоз. Если марксисты априори опираются на линейно-стадиальный характер истории и любые стагнации, откаты, противоречия трактуют в апокалиптическом русле, что в рамках их телеологического нарратива должно (!) привести к краху глобальной капиталистической си-

стемы, то представители иных школ более осторожно и вариативно анализируют процессы, институты, акторов, технологии и пытаются найти общие закономерности и тренды, а также провести констелляцию, чтобы выявить детерминирующие факторы.

В силу того что ключевым фактором анализа глобальных процессов является роль субъектов, их иницилирующих и канализирующих в собственных интересах, необходимо затронуть данный аспект в контексте перехода к постмодернистским практикам.

Теоретико-методологическая концептуализация международной субъектности

Анализ современных глобальных трендов в теоретико-методологическом ключе проводят И. А. Сафранчук и Ф. А. Лукьянов, отмечая, что «системообразующей характеристикой современной международной системы является противоречие между по-прежнему очень высоким уровнем материальной взаимосвязанности государств и их быстро растущей идейно-этической неоднородностью. Тесная взаимозависимость субъектов с конфликтующим мировоззрением порождает рост напряжённости, которую не удаётся снизить в рамках привычных подходов – реалистского и либерального». [7]

Авторы предлагают своё концептуальное разрешение мировых противоречий, используя цивилизационный метод, который хотя и носит аморфный характер, но призван преодолеть субъект-объектные отношения. В этом плане рассматриваемый теоретический инструментарий уже был активно использован Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, А. Тойнби и, конечно, в 1990-е гг. С. Хантингтоном [8]. Но

цивилизационный концепт так и не стал парадигмальным, так как не имеет чётких идентификационных границ, усугубляющихся внутренними противоречиями и конфликтами внутри одной цивилизационной общности [9, С. 243–249], и не в полной мере корреспондирует с основными экономическими, политическими, социальными факторами и акторами. Ключевой вопрос: могут ли весьма широкие культурно-исторические и ментально-социальные критерии являться определяющими для идентификации цивилизационных пространств (ареалов), которые имеют внутреннюю социально-экономическую, этноконфессиональную, языковую, политическую дифференциацию? Цивилизационная концептуализация – это, по большому счёту, попытка найти новые основания для определения субъектности в международных отношениях, тем самым уйти от девальвирующихся суверенитетов государств, распадающихся в функциональном плане международных институций, политически ангажированных ТНК и МФЦ,

противоречивых региональных союзов и альянсов. Но в целом продуктивность этого подхода (исключительно в субъектном контексте) выглядит весьма скептически, не считая культурно-ментальных особенностей различных локаций (национальная или региональная идентичность).

В контексте определения субъектности в системе международных отношений необходимо отметить следующие аспекты: если в предыдущем столетии ключевыми акторами сначала были государства (доминирование Вестфальской системы), на что и опиралась школа реализма, то потом к ним добавились различные международные институты и ТНК (либеральное теоретическое направление). Современная же стадия глобализации (XXI в.) не могла не затронуть один из главных вопросов – виды и роли ключевых акторов, определяющих конфигурацию современных международных отношений и конфликтов. И роль ключевых акторов на фоне девальвации суверенитетов государств и деинституционализации стали играть сложносоставные и многофункциональные комплексы (конгломераты). Это и истеблишмент великих держав (прежде всего гегемона) в тесной взаимосвязи с интересами ТНК, МФЦ, СМИ, военно-политических блоков (НАТО, AUKUS), и крупнейшие региональные субъекты (политические элиты групп государств, ТНК, СМИ, наднациональные союзы), и менее влиятельные игроки (ключевые конти-

ментальные государства (Бразилия, ЮАР) со своим локальным политическим, экономическим, военным влиянием и неформальной институционализацией). То есть вопрос субъектности в современных международных отношениях стал весьма сложным из-за отмеченных многокомпонентных, с широкой аффилиацией конгломератов, которые функционируют в трансграничном и во многом сетевом формате.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что прежние теоретико-методологические основания (роль акторов) в исследовании международных отношений и конфликтов в определённой мере не релевантны современному глобальному правилам игры.

В рассматриваемом плане уместно обозначить тенденцию, связанную с применяемыми основными акторами инструментами влияния и доминирования. Преобладающий в начале XX в. *Realpolitik* к концу столетия сменился на *Soft Power*, а далее трансформируется в *Sharp Power*. Конечно, это не исключает в наше время прагматичных действий, силовых акций и агрессий, но общий тренд всё же имеет место быть. В качестве примера можно привести слова Г. В. Козлова, который провёл фундированный анализ факторов мягкой силы со стороны ключевых мировых акторов в Казахстане. В результате его исследования был сделан один из выводов: «Большинству населения Казахстана импонирует западный образ жизни, поэтому у

США значительное преобладание в этой области над КНР» [10, С. 56].

Инструментарий *Sharp Power* достаточно вариативен (кибератаки, взлом сайтов, фейк-ньюс, сетевое доминирование, манипулирование данными и др.), а также, в отличие от иных способов влияния, очень быстр в применении, не требует больших ресурсов, гибок, что, в свою очередь, разными исследователями не всегда идентифицируется как новый метод (модификация *Soft Power*). В целом можно отметить то, что он, по мнению авторов явления (К. Уокер, Д. Людвиг) [11], направлен на дискредитацию именно демократических ценностей со стороны диктаторских режимов. Но политическая практика показывает, что анализи-

руемые приёмы и методы свойственны всем типам режимной консолидации. В качестве достаточно неагрессивного влияния можно привести политику современной китайской элиты. Как отмечает О. Г. Леонова, «за последнее десятилетие Китай потратил десятки миллиардов долларов на формирование общественного мнения и улучшение своего имиджа за рубежом. При этом он использовал разнообразный инструментарий, включающий в себя: народную дипломатию; широкомасштабные культурные мероприятия; развитие масс-медиа, вещающих на иностранную аудиторию; проведение медийных кампаний с глобальным охватом и образовательные программы» [12, С. 24].

Заключение

Рассматриваемые аспекты международных отношений и конфликтов, которые активно развиваются последние десятилетия, в целом характеризуются глобализационными трендами. В рамках этих процессов наблюдаются различные стадии, которые не детерминированы линейно-стадиальными императивами. Основными драйверами преобразований являются как глобализационные изменения, нивелирующие границы, девальвирующие национальные суверенитеты, унифицирующие правила и нормы, так и контртенденции, заключающиеся в регионализации, антивестернизации, поиске и отстаивании культурно-историче-

ских и цивилизационных идентичностей. В связи с этим различные теоретико-методологические подходы по-разному интерпретируют современную глобальную динамику (глобализация, деглобализация, глокализация).

В анализируемом контексте крайне важным является вопрос об идентификации глобальной и региональной субъектности. В качестве вывода подчёркивается, что основные теоретические школы в исследовании международных отношений (реалисты, либералы, марксисты, сторонники регионализма) идеологически ангажированы и в полной мере не объясняют характер современных

процессов по причине необъективной оценки международных акторов, которые представляют собой сложносоставные многофункциональные конгломераты (экосистемы), имеющие интересы в различных областях (бизнес, политика, медиа, культура, финансы, экология, безопасность), а также трансграничную вертикальную и горизонтальную аффилиацию. В то же время следует признать, что основными сложносоставными и ди-

намичными акторами на мировой арене являются центры силы, которые своим влиянием демонстрируют поэтапное конституирование новой биполярной системы международных отношений. В данном ключе рефлексировал А. А. Громыко, отмечая, что современная архитектура международных отношений во многом обусловлена противостоянием двух полюсов доминирования, олицетворяемых США и Китаем [13, С. 10].

Список литературы

1. Пастухова Н. Б., Барциц А. Л. Суверенитет: от глобализации до деглобализации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 75–77.
2. Хатри Д. Повестка дня для БРИКС в эпоху деглобализации // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2017. № 3. С. 40–47.
3. Адаманова З. О. Методология и проблемы исследования деглобализации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-1 (82). С. 1025–1028.
4. Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. 2018. № 4 (58). С. 50–63.
5. Кувалдин В. Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 5–13.
6. Руджиеро Р. Остановить деглобализацию мировой экономики // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 5. С. 198–201.
7. Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14–25.
8. Huntington S. *The clash of civilizations?* // *Foreign Affairs*. Summer 1993. С. 22–49.
9. Мамадох Э.-И. Х. Внутренние конфликты между арабскими странами // Россия в глобальном мире. СПб., 2006. С. 104–110.
10. Козлов Г. В. Прикладной анализ влияния на Казахстан политики «мягкой силы» США, РФ и КНР // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25). С. 32–73.

11. Walker C., Ludwig J. *The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence* // *Foreign Affairs*, 2017. November 16.
12. Леонова О. Г. *Sharp power* – новая технология влияния в глобальном мире // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 2. С. 21–28.
13. Громыко А. А. Коронавирус как фактор мировой политики // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2020. № 2. С. 5–13.

KROTKOV Vladimir O. – *Doctor of Political Sciences, Professor of the State University of Management, Professor of the State Academic University of Humanities. Address: Maronovsky Lane, 29, Moscow, 119049, Russian Federation. E-mail: vladimir.dussel@gmail.com*

Keywords: *globalization, glocalization, civilization, international subjectivity, Sharp Power, Soft Power.*

IDENTIFICATION OF TRENDS IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: THE FORMATION OF A NEW SUBJECTIVITY

Annotation

The article analyzes modern processes that are inextricably linked with the phenomenon of globalization. Attention is focused on various theoretical and methodological tools, with the help of which the main global trends are identified (globalization, deglobalization, glocalization, regionalization). A critical analysis of Marxist and civilizational approaches in the consideration of international topics is carried out. The main focus of the article is on aspects related to the construction and positioning of the new international subjectivity, which differs significantly from the actors of the XX century.

References

1. Pastukhova N. B., Bartsits A. L. *Sovereignty: from globalization to deglobalization* // *Eurasian Legal Journal*. 2019. № 11 (138). Pp. 78–77.
2. Khatri D. *The agenda for BRICS in the era of deglobalization* // *Bulletin of the Moscow University. Episode 27: Globalistics and Geopolitics*. 2017. № 3. Pp. 40–47.
3. Adamanova Z. O. *Methodology and problems of deglobalization research* // *Economics and entrepreneurship*. 2017. № 5-1(82). Pp. 1025–1028.
4. Komolov O. O. *Deglobalization in the context of global economic stagnation* // *The economic revival of Russia*. 2018. № 4 (58). Pp. 50–63.
5. Kuvaldin V. B. *Globalization and the national state: yesterday, today, tomorrow* // *World economy and international relations*. 2021. Vol. 65. № 1. Pp. 5–13.
6. Ruggiero R. *Stop the deglobalization of the world economy* // *Russia in global politics*. 2009. Vol. 7. № 5. Pp. 198–201.
7. Safranchuk I. A., Lukyanov F. A. *Modern world order: adaptation of actors to structural realities* // *Polis. Political studies*. 2021. № 4. Pp. 14–25.
8. Huntington S. *The clash of civilizations?* // *Foreign Affairs*. Summer 1993. Pp. 22–49.
9. Mamadov E.-I. H. *Internal conflicts between Arab countries* // *Russia in the global world*. St. Petersburg, 2006. Pp. 104–110.
10. Kozlov G. V. *Applied analysis of the impact on Kazakhstan of the policy of «soft power» of the USA, Russia and China* // *Post-Soviet continent*. 2020. № 1 (25). Pp. 32–73.
11. Walker C., Ludwig J. *The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence* // *Foreign Affairs*. 2017. November 16.
12. Leonova O. G. *Sharp power – a new technology of influence in the global world* // *World economy and international relations*. 2019. Vol. 63. № 2. Pp. 21–28.
13. Gromyko A. A. *Coronavirus as a factor of world politics* // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2020. № 2. Pp. 5–13.